

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ТЕКСТЫ

Малая серия

XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

КАМАЛАШИЛА

БХАВАНАКРАМА

(ТРАКТАТ О СОЗЕРЦАНИИ)

ФАКСИМИЛЕ С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Е. Е. ОБЕРМИЛЛЕРА

МОСКВА • 1963

ПА

Предлагаемая вниманию читателей публикация уникальной санскритской рукописи была задумана еще в 1935 г. покойным Е. Е. Обермиллером, крупнейшим знатоком буддизма и тибетской литературы, одним из талантливейших учеников акад. Ф. И. Щербатского. Безвременная смерть, застигшая Е. Е. Обермиллера в расцвете молодости и творческих сил, нарушила его научные замыслы. Он успел только опубликовать в журнале [1] небольшую заметку, в которой исчерпывающе показал, какое большое значение имеет публикуемая рукопись как источник по истории Тибета и распространения буддизма в этой стране.

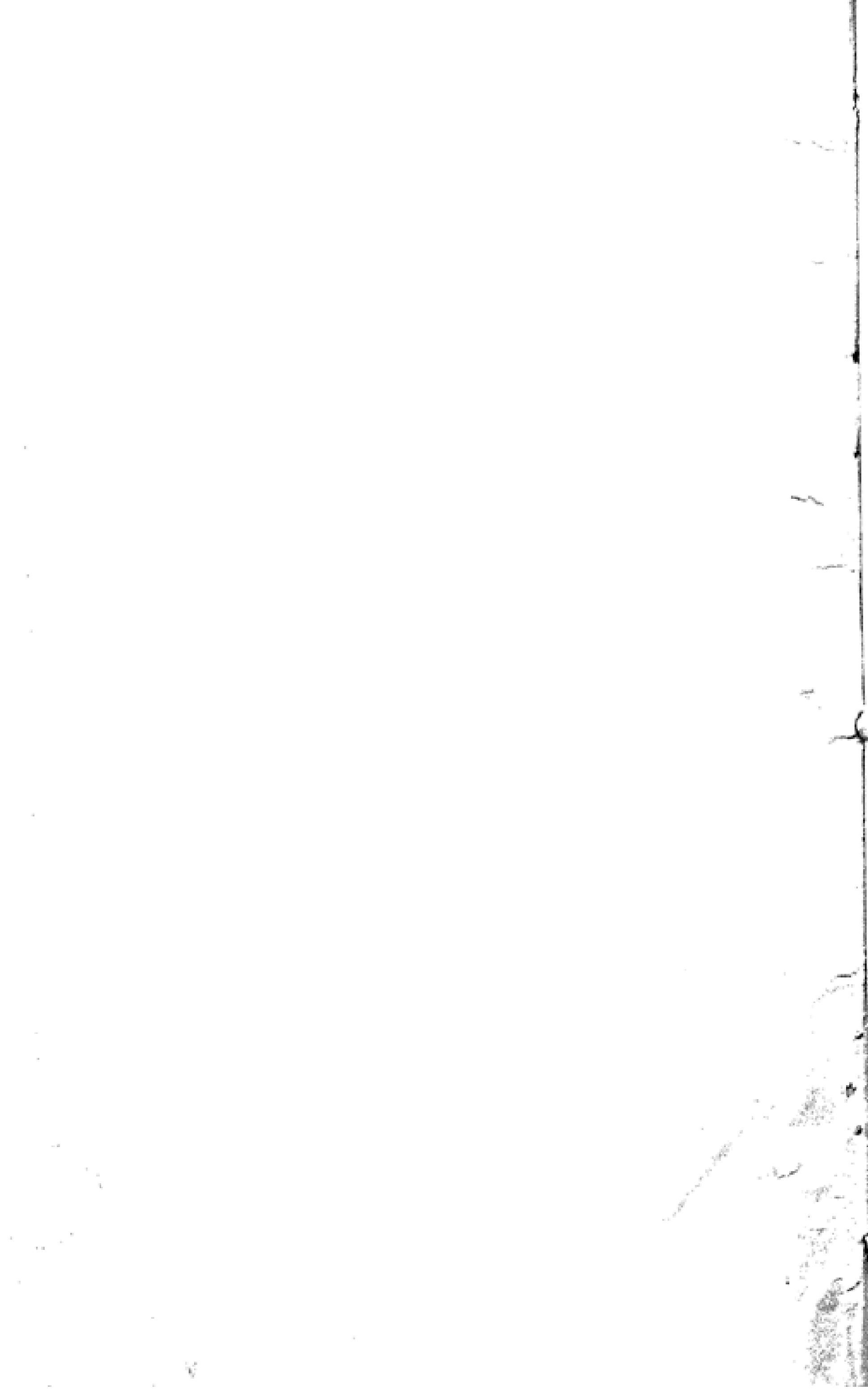
В связи с исполнившимся в октябре 1961 г. шестидесятилетием со дня рождения Е. Е. Обермиллера нами подготовлено к печати факсимиле этой рукописи. Тексту рукописи мы предпосылаем несколько сокращенный русский перевод упомянутой выше статьи Е. Е. Обермиллера, которая может служить превосходным предисловием к факсимильному изданию «Бхаванакрамы», и краткую биографию ученого.

Настоящую публикацию следует рассматривать как первую часть издания, за которой в соответствии с замыслом Е. Е. Обермиллера, должна последовать вторая, содержащая тибетскую версию санскритского текста и полный санскритско-тибетский «Index Verborum».

---

[1] E. E. Obermiller, *A sanskrit Ms. from Tibet-Kamalaśīla's Bhāvanākrama*,— „The Journal of the Greater India Society", vol. II, 1935, № 1.

Б. И. Панкратов, Э. Н. Темкин

Е. Е. ОБЕРМИЛЛЕР

(1901 — 1935)

Евгений Евгеньевич Обермиллер прожил недолгую жизнь, полную самоотверженного творческого труда. Он родился 29 октября 1901 г., рано лишился родителей и остался на попечении своих теток О. Обермиллер и Е. Шведе. Они дали ему превосходное знание трех европейских языков и музыкальное образование. По отзывам своих близких, Евгений Евгеньевич уже в детстве обнаружил блестящие способности к гуманитарным и точным наукам и особенно к музыке. Он обладал абсолютным слухом и редкой музыкальностью. Родные пророчили ему славную композиторскую будущность. Однако надежды их не оправдались. Евгения Евгеньевича привлекла научная деятельность.

В 1918 г. после окончания классической гимназии он поступает на физико-математический факультет Петроградского университета. Но закончить курс Е. Е. Обермиллеру не пришлось. Материальные затруднения вынудили его оставить университет и поступить на работу. И только в 1922 г. после четырех лет службы в различных учреждениях он возвращается в университет, но теперь уже не на математический факультет, а на лингвистическое отделение факультета общественных наук. Здесь Е. Е. Обермиллер начинает учиться у выдающегося русского индолога академика Ф. И. Щербатского. Под его руководством Е. Е. Обермиллер изучал санскрит, историю индийской литературы, философии, культуры, читал с ним труднейшие поэтические и научные тексты. Под влиянием Ф. И. Щербатского Е. Е. Обермиллер избрал своей специальностью историю и философию буддизма и таким образом пришел к необходимости изучить еще тибетский и монгольский

языки. Феноменальная память, широкая лингвистическая подготовка и упорнейший труд помогли Евгению Евгеньевичу в короткие сроки овладеть и этими языками. По окончании университета начинается самостоятельная научная деятельность Е. Е. Обермиллера. В 1927—1928 гг. появляются его две первые работы: санскритско-тибетский и тибетско-санскритский «Index Verborum» к «Nyāyabindu Dharmakīrti».

В целях глубокого и тщательного изучения тибетской и санскритской литературы Е. Е. Обермиллер пять раз предпринимал трудные и утомительные путешествия в Забайкалье, в бурятские дацаны, располагавшие богатыми собраниями буддийской литературы. Большую часть этих путешествий он совершил на свой, тогда еще небольшой заработок, сводя свои потребности до минимума и не теряя при этом свойственные ему жизнерадостность и трудолюбие. Его письма из Бурятии к С. Ф. Ольденбургу неизменно бодры и оптимистичны.

В бурятских дацанах Е. Е. Обермиллер нашел много интересных и ценных сочинений, совершенствовал свое знание тибетского языка и подготовил к печати целый ряд работ по философии буддизма.

В 1928 г. Е. Е. Обермиллер был зачислен сотрудником в Институт буддийской культуры АН СССР, но уже через два года по состоянию здоровья вынужден был оставить службу. В возрасте 27 лет, еще совсем молодым человеком, Е. Е. Обермиллер оказался в положении инвалида-пенсионера. Он тяжело заболел. Первые признаки недуга появились у Евгения Евгеньевича еще в студенческие годы. Ему перестала повиноваться правая рука. Пришлось обучаться письму левой рукой. В течение двух недель непрерывной тренировки Евгений Евгеньевич научился довольно быстро и очень четко писать левой рукой. Болезнь, несмотря на все усилия врачей, быстро прогрессировала. Бывали дни, когда Е. Е. Обермиллер совершенно терял способность передвигаться. Но страсть к знаниям, к труду исследователя превозмогала все. В одну из своих поездок в Забайкалье Евгений Евгеньевич отправился в таком состоянии,

Е. Е. Обермиллер
(1901—1935)

что его вносили в вагон носильщики. Желание работать и сильная воля помогали ему бороться с болезнью и вставать на ноги. Но пришел день, когда воля и настойчивость были уже бессильны. Евгений Евгеньевич слег в постель, с которой ему не суждено было подняться. Он уже не владел своим телом. Писать не мог. Елизавета Карловна Шведе стала его помощником и секретарем. В этом тяжком и физически беспомощном состоянии Евгений Евгеньевич написал большинство своих трудов, принесших ему заслуженную известность. Он не уставал трудиться. Память и мысль работали превосходно. Он диктовал секретарю одну работу за другой. Приходится только удивляться, сколько успел сделать за свою короткую жизнь этот сильный духом человек. С 1927 по 1935 г. Евгений Евгеньевич напечатал 19 работ общим объемом около 90 печатных листов и 11 трудов подготовил к печати. Среди напечатанных Е. Е. Обермиллером за этот короткий срок исследований были такие фундаментальные труды, как комментированный с введением перевод «Истории буддизма» Будона в двух томах, ряд работ о prajnāpāramitā, научные издания ряда буддийских текстов, перевод (и терминологический словарь) большей части «Артхашастры» и другие исследования.

Научная деятельность Е. Е. Обермиллера была по достоинству оценена в нашей стране. Президиум Академии наук СССР присвоил ему ученую степень доктора филологических наук. В возрасте 34 лет — редкий случай в области гуманитарных наук — Е. Е. Обермиллер был выдвинут кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР. Работы молодого индолога привлекли внимание специалистов многих стран. В 1934 г. индийские коллеги избрали его почетным членом «Greater India Society», где председательствовал тогда Рабиндранат Тагор. Е. Е. Обермиллер состоял в переписке с крупнейшими индологами Европы и Азии. Его корреспонденты высоко оценивали научный труд талантливого ученика Ф. И. Щербатского. С. Конов, в журнале которого «Acta Orientalia» были напечатаны некоторые труды Е. Е. Обермиллера, писал ему в январе 1931 г.: «Я знаю лишь, что Вы великолепный ученый с таким

знанием буддизма и буддийской литературы, которому каждый может позавидовать...» [1].

Авторитет Е. Е. Обермиллера среди исследователей индо-тибетской литературы был очень высок. Акад. Ф. И. Щербатский с полным правом мог писать, что «Е. Е. Обермиллер, несомненно, является лучшим знатоком тибетской литературы, авторитетом в этой области, которому равных нет» [2].

В 1935 г. в расцвете творческих сил Е. Е. Обермиллер скончался. Смерть слишком рано оборвала жизнь ученого. Многие исследования и замыслы его остались нерешенными. Среди них и рукопись, публикуемая в настоящем издании, которую Е. Е. Обермиллер хотел обнародовать в 1935 г.

---

[1] Архив востоковедов ИВ АН СССР, ф. 100, оп. 2, № 75.

[2] Там же, ф. 100, оп. 1, № 59.

САНСКРИТСКАЯ РУКОПИСЬ ИЗ ТИБЕТА — БХАВАНАКРАМА (Bhāvanākrama) КАМАЛАШИЛЫ (Kamalaśīla)

Правление царя Ḳhri-sroṅ-ldehu-btsan (VII в. н. э.) является чрезвычайно важным периодом как в древней истории Тибета вообще, так и в истории распространения буддизма в этой стране в частности. Деятельность великого Шантиракшиты (Śāntirakṣita) и Падмасамбхавы (Padma-sambhava), выбор первых семи природных тибетцев для посвящения в монашеское звание (sad-mi mi-bdun), основание в Тибете многочисленных центров буддийской учености, а также интенсивная деятельность тибетских ученых переводчиков (lo-tsa-ba) и других — тех, кто перевел на тибетский язык большое количество буддийских канонических и научных сочинений, — все это было описано Будоном (Bu-ston) в его «Истории буддизма» [1], а также и в других тибетских исторических трудах.

Но есть один пункт, относящийся к распространению буддизма в царствование Ḳhri-sroṅ-ldehu-btsan'а, которому Будон уделяет особое внимание и на котором он останавливается очень подробно. Этот пункт касается спора между двумя партиями, на которые разделились тогда тибетские буддисты. Одна из этих партий состояла из учеников и последователей Ācārya Śāntirakṣita, исповедовавшего ту форму буддизма, которая была широко распространена в Индии и Непале, а именно: учение о пути к просветлению через практику созерцания в соединении с диалектическим анализом, присущим буддийской философской школе Mādhyamika, и с практикой шести высочайших добродетелей (pāramitā).

---

[1] Bu-ston, *History of Buddhism*, Engl. transl. by E. Obermiller, pt II, Heidelberg, 193 : (далее: Bu-ston, transl.).

Во главе другой партии стоял проповедник, известный под именем Махаянадевы (Mahāyānadeva), который защищал доктрину полного квиетизма и бездеятельности. Согласно его учению всякая религиозная практика, упражнения в созерцании, точно так же как и все добродетельные поступки, являются полностью бесполезными и даже нежелательными.

Освобождение от оков эмпирического бытия должно достигаться просто через полное прекращение всякого рода мышления и умственной деятельности, через постоянное пребывание в состоянии, подобном сну. Будон рассказывает, что эта партия стала очень влиятельной и приобрела многочисленных приверженцев среди тибетцев, что последователи Шантиракшиты терпели от нее притеснения и что царь, который следовал учению Шантиракшиты, пригласил Қамалашилу, ученика Шантиракшиты, чтобы он опроверг ложное учение Махаянадевы. Диспут между Қамалашилой и Махаянадевой, в котором последний потерпел поражение, описан Будоном очень подробно [2]. Мы у него читаем, что главные деятели обеих партий собрались в присутствии царя, что Махаянадева первым выступил с речью в защиту своей теории квиетизма и бездеятельности, что ему отвечал Қамалашила, который демонстрировал всю абсурдность тезисов, утверждавшихся Махаянадевой, и показал, что такого рода теории находятся в прямом противоречии с основными принципами буддизма и ведут к пренебрежению и отказу от самых существенных особенностей буддийского Пути к Просветлению.

Далее мы читаем о том, как главные приверженцы Қамалашилы в свою очередь также опровергли теорию Махаянадевы, как последний и его партия признали себя побежденными и были изгнаны из Тибета по приказу царя, который предписал, чтобы впредь с этого времени в Тибете придерживались общепризнанных буддийских догм — а именно: учения о шести добродетелях (pāramitā) в вопросах религиозной

---

[2] Ibid, pp. 192—193.

практики и Мадхьямики — философской системы Нагарджуны — в теории [3].

Это, несомненно, самое важное событие в истории тибетского буддизма, которое и было должным образом оценено Будоном. Поэтому совершенно естественно, что мы должны быть заинтересованы в разыскании источников для рассказа о событиях, сообщенных Будоном. Но текст его истории, который, как правило, всегда содержит указания на труды, на основании которых он был составлен, в данном случае не дает никаких сведений. На первый взгляд сообщение о споре кажется простым воспроизведением устной традиции и нет ничего такого, что могло бы заставить нас предполагать о существовании письменного источника, на котором мог быть основан рассказ Будона. Однако из дальнейшего изложения будет видно, что теперь стало возможно установить, какое это было сочинение, сравнить с ним сообщение Будона и выяснить его историческую ценность.

Весьма интересно отметить, что наш источник находится в трудах того самого Камалашилы, который одержал победу в диспуте, описанном Будоном. Азиатский музей Академии наук в Ленинграде обладает маленькой санскритской рукописью, являющейся даром покойного далай-ламы и привезенной из Тибета Ц̣анид-Хамбо Агван Дорджиевым, Верховным Ламой бурятских и калмыцких буддистов. Упомянутая рукопись состоит из восьми листов серой тибетской бумаги, написана четким и правильным непальским алфавитом, ошибок мало. Углы листов обожжены, но повреждения очень незначительны (обычно с обеих сторон недостает не более 3—4 букв). В верхней части первого листа находится заглавие на тибетском языке, написанное скорописью: «ka-ma-la-śilas mdzad-paḥi sgom-rim». Колофон на листе восьмом гласит: «Ācārya-Kamala-śila-nibaddho Bhāvanā-kramaḥ samāptaḥ». Таким образом, сочинение называется Bhāvanākrama (тибет. sgom-rim) —

[3] С тех пор школа Мадхьямика стала господствующей в Тибете.

«Процесс созерцания», т. е. учение об упражнениях в йоге, являющихся особенностью Пути к Просветлению в Махаяне.

В Данджуре, MDO, том XXX (A) содержатся тибетские переводы трех сочинений, приписываемых Камалашиле и имеющих общее заглавие Bhāvanākrama. Они следуют одно за другим и различаются как sgom-rim dañ-po=pūrva-bhāvanākrama (лл. 22—45, Пекинск. изд.) [4], sgom-rim mbar-ba = madhyama=bhāvanākrama (лл. 45—60); sgom-rim tha-ma=Āntya bhāvanākrama (лл. 60—84). Последнее из этих трех сочинений является тибетской версией нашей рукописи. Перевод сделан настолько близко к оригиналу, что становится возможным при его помощи восстановить все недостающие места рукописи и исправить ошибки. Тибетский перевод был выполнен переводчиком (lotsava) Ye-śes-sde (Jñānasena) при участии пандита Праджнаварманы (Prajñāvarmana).

Сейчас в нашу задачу не входит подробное рассмотрение содержания этого сочинения, которое посвящено процессу созерцания, состоящему из концентрации мыслей или полной невозмутимости духа (śamatha = źi-gnas) и трансцендентального анализа (vipaśyanā = lhag-mthon) [5]. Наша цель заключается в том, чтобы показать, что данный текст непосредственно относится к спору между Камалашилой и партией Махаянадевы, к спору, который закончился поражением последней и прекращением ее влияния на буддистов Тибета.

Так, в рукописи на листе 4 мы читаем: «[Есть некоторые], кто держится следующей точки зрения: силою добрых и злых деяний, вызываемых конструктивной деятельностью сознания (citta-vikalpasamutthāpita-śubhāśubha-karma-vaśena), живые существа совершают круговорот бытия в иллюзорном мире (Saṃsāra), подвергаясь непрерывным перерождениям в небесном и других состояниях существования, являющихся плодом их деяний.

---

[4] См. G. Tucci, *Minor Buddhist Texts*, pt II, Roma, 1958.

[5] E. Obermiller, *The Doctrine of Prajñā-pāramitā as exposed in the Abhisamayālaṃkāra of Maitreya*,—„Acta Orientalia", vol. XI, p. 17.

Наоборот, тот, кто не думает совсем ни о чем и не совершает деяний, становится освобожденным от иллюзорного мира. Поэтому (для того, чтобы достичь освобождения — Nirvāṇa) не нужно ни о чем думать. Также не нужно творить милостыню и совершать другие добрые дела (поскольку добрые дела влекут за собой дальнейшие перерождения в иллюзорном мире), которые, как бы ни были они полны блаженства, все же неизменно привязывают живое существо к эмпирическому бытию и никак не могут повести к полному освобождению от уз иллюзорного мира [6]. Милостыня и другие добрые дела были предписаны лишь потому, что имелись в виду невежественные, заурядные люди (kevalaṃ mūrkha-janam adhikṛtya dānādi-kuśala-caryā nirdiṣṭā)...

«Однако, тот, кто говорит таким образом, дойдет до отрицания всей доктрины Махаяны. А так как Великая Колесница (Mahāyāna) есть основание всех колесниц (yāna), пренебрежение ею ведет к отрицанию всех колесниц (yāna), т. е. всех главных буддийских учений. Ведь в самом деле, тот, кто говорит, что не следует думать ни о чем, должен будет отвергать, отрицать или пренебрегать высшей мудростью, сущность которой есть точный, тщательный анализ истинной сущности вещей (tathāhi na kiṃcic cintayitavyam iti bruvatā bhūta-pratyavekṣā-lakṣaṇā prajñā pratikṣiptā bhavet). Отрицанием сего равным образом отвергается высочайшая, неземная, трансцендентальная мудрость Блаженного (tat pratikṣepāl lokottarā'pi prajñā pratikṣiptā bhavet). Отрицание последней в свою очередь ведет к отрицанию всеведения в отношении всех аспектов бытия (sarva-ākāra-jñātā), которое является конечной целью последователя Махаяны. [Все это обязательно должно случиться], так как [все] истинное знание основано на точном, тщательном анализе, [отказ от которого делает все истинное знание невозможным]».

Затем автор осуждает пренебрежение добрыми делами, благотворительностью и т. д. Добрые дела Бодхисаттвы суть

---

[6] См.: Bu-ston, transl., vol. II, p. 193.

искусные средства (upāya), которые в сочетании с высочайшей аналитической мудростью составляют весь Путь Махаяны.

Далее имеются цитаты из Gayāśīrṣa-sūtra[7] и Tathāgataguhyasūtra. Это место заканчивается очень страстным высказыванием: «Следовательно, слова того, кто презирает доктрину Махаяны, чья ученость порочна, кто полон самомнения относительно его собственных [неверных] взглядов, кто не оказывает должного уважения мудрым, кто не овладел правилами, предписанными буддийским священным писанием, и кто сам, морально погибший, равным образом и других ведет к гибели, — слова такого человека, несущие в себе яд противоречия, идущие против логики и писания, подобны отравленной пище, и должны быть отброшены далеко прочь благоразумным человеком, который заботится о своем собственном благе».

Затем Камалашила снова говорит об абсурдности взглядов, согласно которым, для того чтобы освободиться от иллюзорного мира, нужно лишь отказаться от всякой умственной деятельности: «В действительности же, — говорит он, — тот, кто пренебрегает правильным анализом истинной сущности вещей, тот отвергает наиважнейший компонент Просветления, который мы называем совершенным анализом элементов бытия (dharma-pravicayākhayaṃ pradhānaṃ eva bedhyaṅgam). А без тщательного анализа истинной сущности вещей, как может сознание созерцателя (yogin), который с безначального времени привык к реалистическому восприятию материи и других элементов, как может оно [вдруг] прийти в состояние, свободное от какой бы то ни было творческой мысли [и которое является нирваной]? — (vinā ca bhūta-pratyavekṣayā yoginaḥ katham anādi kālabhyasta rūpādi bhāvābhiniveśasya cittam nirvikalpatāṃ praviśet). Если скажут, что человек достигает этого состояния тем, что он не восстанавливает в памяти ни одного из элементов бытия и не направляет на них свое сознание (sarvadharmeṣy asmṛty-amanasikāṛeṇa praviśati), то это будет неправильно. Ведь на самом деле, без тщательного анализа истин-

[7] См. Bu-ston, transl., vol. I, p. 111.

ной сущности вещей прекращение воспоминания и умственной деятельности по отношению ко всем элементам, являющимся предметом нашего опыта, не может быть осуществлено (nahi-vinā bhūta-pratyavekṣayā' nubhūyamāneṣv api sarva-dharmeṣv asmṛtir amanasikāro vā śakyate kartum). Если кто-либо думает: „Я не должен ни вспоминать эти элементы, ни направлять на них свое сознание", — и полагает таким путем научиться невоспоминанию и отсутствию умственной деятельности, — то на самом деле это будет как раз наиболее интенсивное воспоминание и деятельность сознания по отношению к упомянутым элементам (yadica nā'mī dharmā mayā smartavyā nā'pi manasi-kartavyā ity evaṃ bhāvayann-asmṛti-manasi kārau teṣu bhāva-yet tadā sutarām eva te smṛtā manasikṛtās ca syuh).

Если скажут, что уже одно только отсутствие воспоминания и умственной деятельности является прекращением этих двух факторов [а это и есть желанная цель], тогда мы спросим: в чем проявляется их отсутствие? Если мы проанализируем этот предмет, [то мы придем к заключению, что] состояние освобождения от диалектического мыслетворчества не может быть вызвано одним лишь отсутствием его. Если бы это было так, то мы пришли бы к абсурдному заключению, что человек, находящийся в обмороке, достиг нирваны, состояния, в котором нет творческой мысли, ибо воспоминание и умственная деятельность у него отсутствуют (saṃmūr-cchitasya apismṛti-manasi kārābhāvān nirvikalpatā-praveśa-prasaṅgaḥ). На самом деле прекращение воспоминания и умственной деятельности [и всего диалектического мыслетворчества] невозможно без анализа истинной сущности вещей (na ca bhūta-pratyavekṣām vinā anya upāyo'sti yena prakāreṇa asmṛty-amanasikārau kuryāt)...

«Затем, как может быть познана невещественность, отсутствие самостоятельной сущности элементов без этого тщательного анализа (vinā bhūta-pratyavekṣayā niḥ-svabhāvatā dharmāṇām katham avagatā bhavet)? Познание элементов как лишенных их собственной сущности [т. е. их относительности] невозможно без анализа элементов. А без познания невещест-

венности устранение заблуждений становится невозможным (nā'pi vinā śūnyatā prativedham āvaraṇa-prahāṇam saṃbhavati). Иначе все живые существа были бы освобождены [с самого начала]...

«Кроме того, если по причине отсутствия памяти или глупости созерцателя воспоминание и деятельность сознания не проявляют себя, то, будучи полнейшим дураком, как может [такой созерцатель] называться истинным йогином (yogin)? В этом случае тот, кто обучается освобождению от воспоминания и от деятельности сознания, без анализа истинной сущности вещей привыкнет лишь к состоянию оцепенения и апатии. В результате свет истинного знания будет отодвинут очень далеко [от такого человека]...

«Но давайте теперь предположим, что [созерцатель не глуп и не лишен памяти]. В таком случае, как может он [внезапно] перестать помнить и мыслить, не анализируя истинную сущность вещей? Неправильно говорить, что человек не вспоминает, когда он несомненно это делает, [так же как абсурдно утверждать, что] человек не сознает, когда в действительности он сознает (vinā bhūta-pratyavekṣayā na hi smarann-eva na smarati paśyann eva na paśyati iti yuktam abhidhātum). Если возможно привыкнуть к тому, чтобы отметать от себя все виды воспоминания и мыслей, то откуда же берут свое начало воспоминание о месте пребывания в прежней жизни и другие свойства Будды? Здесь противоречие! Ведь человек, постоянно имеющий дело с холодными предметами, которые находятся в прямой противоположности с горячими [8], не может испытывать соприкосновения с чем-то горячим.

Далее, если у созерцателя (yogin), который погружен в транс, интеллектуальное сознание [9] все же существует, тогда оно должно непременно базироваться на каком-то объекте. Ведь на самом деле обыкновенные люди [10] не могут вдруг

---

[8] Nyāyabindu, Bibliotheca Buddhica, VIII, pt I, p. 68; Stcherbatsky, *Buddhist logic*, vol. II, Bibliotheca Buddhica, XXVI, Leningrad, 1930, p. 187.

[9] Mano-vijñāna-yid-kyi rnam — par śes-pa.

[10] Pṛthagjana-so-soḥi skye-bo.

стать наделенными тем беспредметным чистым познанием, [которое есть исключительно свойство Святого].

И, наоборот, предположим, что [у созерцателя, погруженного в транс], интеллектуальное сознание отсутствует. Но как в таком случае будет познана невещественность элементов? И каким противоядием возможно будет устранить заблуждения морального осквернения? (kena ca pratipakṣeṇa kleśāvaraṇam prahīyeta)? И, кроме того, у обыкновенного человека, такого, который достиг четвертой степени транса (dhyāna), уничтожение мыслительной способности невозможно...

«По всем этим причинам, если в пределах высочайшей доктрины говорится об отсутствии воспоминания и деятельности сознания [в отношении объектов иллюзорного мира], то следует понимать, что этому обязательно предшествовал правильный анализ истинной сущности вещей. Только применяя этот анализ [ко всему познаваемому], становится [в результате] возможным создать [такое состояние сознания, в котором] не существует воспоминания и деятельности сознания, но никак иначе. Ведь в самом деле, если созерцатель, который исследует [элементы] при помощи правильного аналитического знания (nirūpayan samyak-prajñayā yogī), не представляет себе ни единого элемента бытия ни в настоящем, ни в прошедшем, ни в будущем, чтобы он являлся действительно возникающим, то как же может он [после того, как познал таким образом их нереальность], вызывать их в памяти и обращать на них свое сознание?

Если то, что вследствие своей нереальности в настоящем, прошедшем и будущем не постигается с точки зрения конечной реальности, — то как же можно вспоминать его или думать о нем? Поэтому, [поскольку пониманию реальности отдельных сущностей кладется конец на основании анализа, который дает представление об их нереальности], человек достигает знания, свободного от творческой мысли, успокоения всего плюрализма (tato'sau sarva prapañco paśamaṃ nirvikalpaṃ jñānaṃ praviṣṭo bhavet).

Достигнув такого знания, он непосредственно познает прин-

цип всеобщей нереальности [и относительности, что является] абсолютной истиной. Посредством этого познания он сбрасывает сети всех ложных взглядов (prahīṇa-sakala-kuḏṛṣṭi-jālo bhavati) и при помощи высшей мудрости в сочетании с искусными средствами становится опытным в познании условной[11] и абсолютной реальности...

«Соответственно благодаря приобретению мудрости, свободной от заблуждений, он познает все без исключения свойства Будды (ato'nāvaraṇa-jñāna-lābhāt sarvān eva buddha-dharmān adhigachati). Поэтому без правильного анализа истинной сущности вещей как возникновение истинного знания, так и устранение заблуждений невозможно и т. д.». (Следуют многочисленные цитаты из канонических текстов, таких, как Samādhirāja, Ratnamegha, Saṃdhinirmocana и т. п.)

Теперь, если мы сравним с этим отрывком речь Қамалашилы, ответ, данный им Махаянадеве, как это приведено у Будона в его «Истории», то найдем, что версия Будона представляет собой буквальное, лишь чуть сжатое, воспроизведение текста «Бхаванкрамы».[12] Таким образом, совершенно ясно, что Будон использовал «Бхаванакраму» как источник, и мы можем только удивляться тщательности и точности, с какой он этот текст воспроизводит. Совершенно подобно тому, как в рассказе о двух первых соборах буддийской общины, в котором Будон абсолютно точно воспроизвел версию Виная-Қшудраки (Vinaya-kṣudraka) без указания использованного им источника, точно так же и здесь, сообщая об одном из важнейших событий в истории тибетского буддизма, он основывает свой рассказ на источнике, заглавие которого нигде им не упоминается и который теперь оказывается не чем иным, как сочинением Қамалашилы, главного действующего лица упомянутого события.

Вместе с тем мы должны равным образом указать на важ-

---

[11] Samvṛti — satya-kun-rdzob-bden-pa.

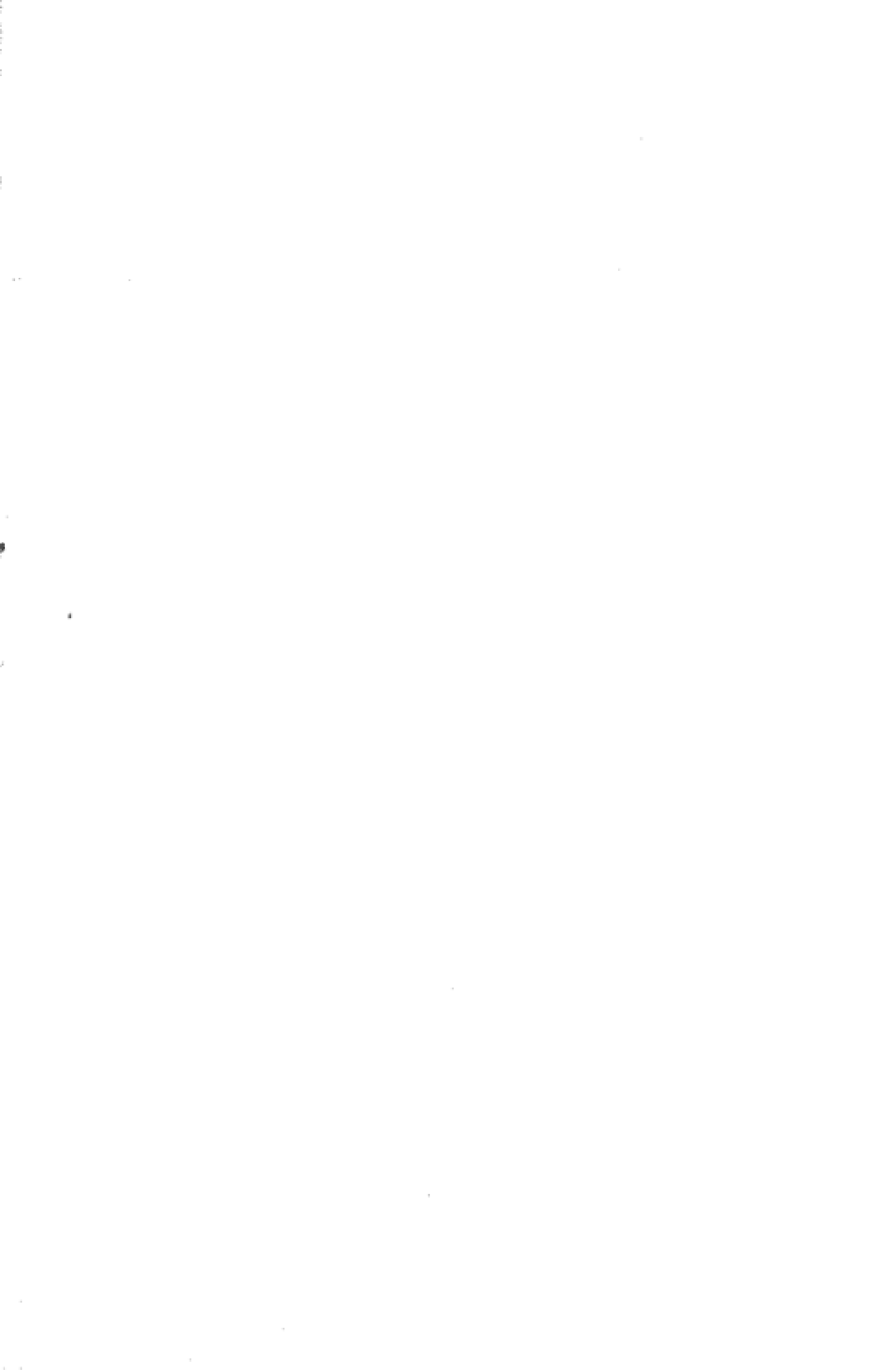
[12] Выше мы привели санскритский оригинал тех отрывков, которые даны Будоном (см.: Bu-ston, transl., vol. II, pp. 193, 194).

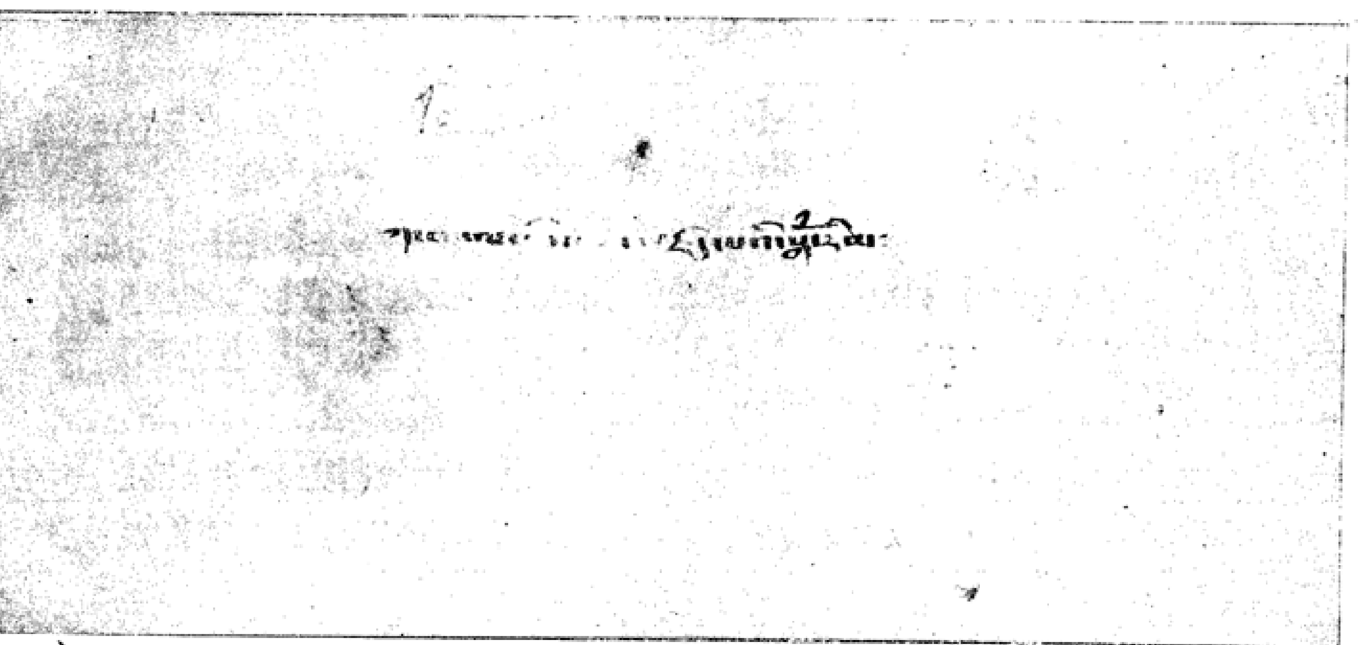
ность «Истории» Будона для должной оценки сочинения Камалашилы. Из одного текста «Бхаванакрамы» никогда не было бы возможным понять, кто в действительности являлся тем оппонентом, которого опровергал автор. Мы могли бы только установить, что оппонент был сторонником учения полной бездеятельности. Нигде во всей работе мы не находим даже малейшего намека, что очень типично для индийского пандита, который не любит открыто упоминать своих противников.

Именно из «Истории» Будона мы черпаем полную информацию относительно полемики, изложенной в Бхаванакраме. Таким образом, Будон дает нам возможность должным образом оценить сочинение Камалашилы и представляет его нам таким, каким оно является в действительности — важным документом касательно истории тибетского буддизма.

Е. Е. Обермиллер

ТЕКСТ

1a

मनोज्ञालोकविद्द्वूहरः युक्तपदमसासावधिः सास्तुद्धवानाश्रमस्त्वाणोक्तवृद्धेतुगवान्॥ ॥नमस्तारा
नांसां सत्वसमाधयोग्याद्युत्हृत्रिः सेथवसमधविययवानायुगनद्ववाहीमागास्तावन्दकष्णुगाडङ्कं वतुगव
भविन्हुमध्यकर्ष्यां तुदत्रिः निवानक्षितयद्दीयवद्धः समाध्यूनालाकस्य मत्यद्यत्रः उद्भः सकलमावरणं यद्दीयत
त्त्वपमध्येनयतसत्ववम्भत्रिविस्वकां वृद्दां दिक्ष्यं वाविमृत्वालस्त्रावृत्तविविकल्पयत्रिविस्वकं मृत्यत्रः तु
यथानया विवावयत्रियोवीतह्यविगमाद्यं तुदासविकल्पयत्रिविस्वकमृत्यत्रः उत्तवनिःक्ष्यणोविकल्पस्याव
तत्त्वस्य ा ाद्यगमाक्षों दृश्यावस्तुयः यत्तुसा उद्वृगमाद्यत्रधमायाम्भूस्तौ लद्धणोत्तुधसास्युत्रिवित्रयत्रितदावस्तुयः
सत्वांश्रावरणत्रदूणलेंद्धणोकायययत्रिसमाधिधयदातवत्रितदावृद्धस्तौतदेवकायययनिनिष्कृत्यालस्वनमूः
विगमाश्रिनाः पमधविययवानसेवनीयेः यस्तुगनसेवत्तेतस्यानेववस्तुययथत्तुजाः इविगमोमाधिकायययविनं

16₂

येऽ॥ मध्यानसूत्रान्तुनययुक्त्यानां संक्षेपतो ज्ञापनाकृतम्॥ कथ्यन्ते नययद्यपि व
ता॥ निमित्तवस्तुमात्रं तु नशोषोद्धोपलब्धनात्॥ विपश्यनास्तावद्यथोक्तापमयश्रद्धिमृ
ह्ष्टकारवदालोकोदयात्॥ कुत्रपवत्तगवज्ञावत्नायालम्बनवस्तुनियोगिनां निद्धिस्तु॥
वस्तुज्ञानं निरूपणं विकल्पोज्ञानानिविकल्पकमुच्यते॥ यथा प्रज्ञाद्गीतानां श्रद्धमा॥
यस्यो ध्यानालक्षणे स्यात्तत्र समुदाय॥ तस्योवस्तुनि विप्रस्यास्तज्ञानं निरूपयेत्योगी॥
यत्तज्ञा॥ इत्यमात्रं यद्धर्मा यां स्मृतौ वस्तुययत्तुगालम्बनमुच्यते॥ तथाज्ञापनामा॥ योगेय
थ्यत्॥ तद्देवमनन किंचिद्विरुक्तमवति॥ शमथविपश्यनास्या समस्तुवस्तुययत्तुद्विनामो॥
यत्किंचित्॥ तत्समथविद्विकायता॥ विपश्यनाकृतयुग्मावेक्षेति॥ संक्षेपयादाय सर्वः॥

$2a_1$

2a_2

2a3

पमथवित्य प्राणयोर्लक्षणमुक्तं । तत्र योनिर्गिनामीलं [illegible] स्तुत्वादौ प्रमथवित्यथा
देवहि प्रमनात्र कालस्त्वाप्रद्वेषे सत्वम [illegible] थाद्विम [illegible] निष्ठादयि [illegible] किंविन्नि
गहना स्वयं यं प्रदर्था सकलस्या [illegible] गुणोमद [illegible] माद्य [illegible] सलोसनवेवा
योपेस्थाययि तथा । किन्तु [illegible] गुणोनामिकास्थाययि तथा । [illegible]
तत्र प्रपमत्रादयोगायधाद [illegible] तु धानाकविय [illegible] विवृ [illegible] य [illegible] प्रमथ
इत्यादीन [illegible] यथमयाना [illegible] येया [illegible] स्मिनतत्वम [illegible]
[illegible] तत्प्राप्त [illegible] समस्तत्त्वाव [illegible] गतिगतिव [illegible] त्वनिलोपमाना [illegible]
वनाय कालेणासत्व वमसत्त्व [illegible] तत्वति [illegible] विल्क [illegible] यानि [illegible] लयोर्ह त्यादि प्रमथ

26_1

26a

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

3a₁

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

$3a_8$

3б$_1$

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

36_2

ॐ तत्रैव वर्त्तविशुद्धमत्यायुतं । तदाहागमशिथिलीकरणादृयेकृणौ यं । तद्यथा स मधं ये विग्नः

दयितव्यः । समम्मस्यात्याधिकेभिद्धावस्तुवयुक्तमस्योवस्मृतं तवं तत्त्वदसनन्नम्यातुतस्मान्तुद

लम्बनसम्पुभोम्रः । लयः । ऐद्वयं । स्मनागागः । स्रुतागाध्वेभिणमां युक्तियकेणाखायुष्मणास्

समृत्यधुतं । तत्त्वोइत्तिलामवानूवीयमारतं । तमोवीयारस्मणोकत्वायविद्धयोः कमप्याक

यवज्ञनातु । लयोद्वयायुसमनकालद्वनाशागद्योमः । ततस्तुस्थुभिर्यक्षेणवेतनाज्ञावनीया

कियसातदाविपश्यनावद्धिम ह्रादद्वयुक्तयवद्विहंलीनंस्यात । तस्माल्लीनचिलंनिगृह्णीयादृढ

वतवेक्षा । तथाधोक्कमविकल्पयुवेदे । माकोह्वेणदृभनाकायसमलत्वानूसद्वंवमानूयः

प्राधुद्धवमेषु ज्ञातादिसमालोयविपश्यस्याविविधकमल्कोपाह्नयविभ्रमिः । तत्त्वः समाधेच

36a

$4a_1$

$4a_2$

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

4 a3

[illegible] ॥

[illegible] यानां [illegible]

[illegible] दानादि [illegible]

[illegible] सत्वानां [illegible]

[illegible] नामकामेन [illegible]

[illegible] मनसिकारेण [illegible]

[illegible] मनसिका [illegible] मनसिका [illegible]

[illegible] मनसिका [illegible] मनसिका

46₁

46_2

नादिक्रमलक्षणया कल्पनया केवलं सूक्ष्मं तेन न विज्ञानस्य दानादिक्रमलक्षणया निर्दिष्टो विशेषः
ध्यायाः प्रज्ञा कोटिप्राप्तिर्यथा विशिष्टयुक्तिसिद्धिसिद्धा तद्वेतुत्वात्संस्थितिः यद्ध्यायाः कुशलाः कायवाङ्मनः
गयार्थीयोद्दमिसौधाविसज्ञानां संक्लिष्टोमाचोकतमोद्धी यद्भूतयुक्तवाङ्याः
ख्यानवर्णविततधागोतथ्यववननीतः स्वयम्भिन्नसुख्याय यानयिमाभयधायस्थागः
सिमः कथमनादिकालाभ्यस्तयादितावाक्लिनिर्वेपस्य विवेनिर्विकल्पगायविशेषः
तत्र वर्णावयवस्य तिमन सिकावानुश्रसूत्रावयेतादयामेकवामेवतेन नः स्मृतासम
क्लितस्याविस्म तिमनसिकावातावानिर्विकल्पगायवेपयस्यस्थः नकूतथ्यगावेद्याः
आत्मश्रवणविनातथ्यधावेद्याः तत्रूयताय तिवेयोतवेला नायविनापूर्वयज्ञायतिवे

5a1

$5a_2$

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

5a₃

56_1

द्धमते दुःखादि विचार्यमाणो ऽनां ग्रन्थिर्वैवादाद्विनिमित्तग्रन्थस्य डकशयस्माम्ब स्तमथ दुःखादि विचार्यमाणोऽर्थः स्वसामान्यल
यमलक्षग्रकृत्स्नवीयाश्रुनसंक्रमो वाक्रुशलं यथ्ये वैतुमिशिनहित्सु शिक्षेयीनेकलेश्यायुक्तोलगवरावक्रवाः
क्तयेणश्रावकादिवस्त्रिशंयक्रस्वत्ति क्लेश्यां समावो याय वाद्याश्रुनक्षित्रांय वक्तयजामयोनिपसुद्धवत्नीक्षितसुक्षिय
दुःखयक्रुतश्रस्य धमाश्रुशुक्लोवि सक्रुत्वक्षिरवैवाक्त्र कथंवीर्योक्तेवस्त्रातवक्षिप्यदास्यक्रशाविलंवि वीयमाना
नक्रुक्रवधशक्षिका मावणैवस्त्रादिगमं येनमग्रातुवत्रामक्षिमानद्यक्षिय्येवेनय्रमावदनीयत्रुवस्मात्तोग्रक्षिः
तदेवस्तावनां मख्याग्रद्धयातावनीयंनाश्रक्तासद्धि क्षितसुमितप्रशावनवक्तस्माकृतयत्यवेक्तावद्याय्दथाः यदि
द्धयनिय्रसजातवक्षिक्षिगावक्तक्षद्धयदाह्वयतःसायियशद्धेवदरक्तथकेय्रक्रमाथक्ककाद्वेययवावाय्य
लायिक्तस्मादिकमणोनमक्रशक्षयथतक्रस्याततुलावुशायायादिश्रुववकालंक्षुत्राक्षनस्या यथ स्यायिकाम

[illegible]

56₃

$6a_1$

$6a_2$

6a₂

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

66_1

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

66

7 a_1

$7a_2$

7a3

76

76a

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

$8a_1$

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

$8a_2$

5*

यत्स्वामेणोकनकवदनेष्वादर्शणोयक्षामेसप्तसत्त्वक्षमायुतिद्दं ब्रणंयुतिलक्ष्मीवः
द्विजंयूणोमस्तुजनस्त्वेनयाद्योमथमध्यद्विजं। द्रुवीक्षतत्राद्विमला द्विसस्वायुलेवरहृद
मायुष॥ ना

8a₃

СОДЕРЖАНИЕ

Камалашила

БХАВАНАКРАМА

Утверждено к печати Институтом народов Азии Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. А. Кукушкина*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректоры *Е. И. Дукельская* и *Г. А. Невелева*

Сдано в набор 25/II 1963 г. Подписано к печати 9/V 1963 г. А-05065 Формат 60×90¹/₁₆
Печ. л. 4,25. Усл. п. л. 4,25. Уч.-изд. л. 2,86. Тираж 1200 экз.
Зак. 394. Цена 20 коп.

Издательство восточной литературы, Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4.

